

АНДРЭ ГОРЦ

Знание, стоимость и капитал¹

К критике экономики знаний

IV. На пути к постчеловеческой цивилизации?

1. Какое знание? Какое общество?

Предшествующая глава подвела нас к пониманию того, что настоящее общество знания было бы коммунизмом знания, в котором создание богатства было бы равнозначно свободному всестороннему развитию человеческих способностей, включая способность к досугу и наслаждению. Свободный способ производства знания вылился бы в общинную экономику, где социальные отношения были бы противоположны товарно-денежным отношениям стоимости в политэкономии капитализма.

Общество знания было бы «обществом культуры» в том самом смысле, в каком определяет «культуру» Оскар Негт: как «почву социальных смыслов» и «царство самоцелей»². Очевидно, что знание, о котором здесь идет речь, не сводимо к формализуемым сведениям и технологиям информационных знаний, присущим «информационному обществу», часто отождествляемому с обществом знания.

Знание, если понимать его как «информацию», «исчезает за аппаратом, необходимым для его овеществления», пишет Райнер Фишбах³.

¹ Автор любезно дал личное согласие на публикацию своей книги *L'immatrie: connaissance, valeur et capital*, Galilée 2003, при условии, если перевод будет осуществлен с ее немецкого издания, для которого он ее значительно переработал. Ниже печатается четвертая, заключительная глава книги (начало см. в: «Логос», 4 (61), 2007). — Прим. ред.

² O. Negt, *Arbeit und menschliche Würde*, Göttingen: Steidl Verlag 2001.

³ R. Fischbach, «Die Phantome der Wissensgesellschaft», *Widerspruch* 45 (2003).

«Оно предстает субстанцией, которую можно извлекать из человеческого мозга и перегонять в аппаратуру, позволяющую манипулировать знанием, транспортировать и консервировать его», превращая в прибыльный патентованный фактор производства. В таком случае знание трактуется как комплекс формализованных сведений, как мертвое, оторванное от всякого носителя и отрезанное от социальной жизни средство производства, которое, как и мертвый труд, накопленный в машинах, предназначено для того, чтобы использоваться и приносить прибыль в качестве постоянного капитала. Для своего продуктивного использования мертвое знание уже не нуждается в том, чтобы его кто-нибудь знал и понимал. Производство знания, которым занята индустрия знания, направлено на то, чтобы сделать человеческие способности по возможности заменимыми, вплоть до искусственного интеллекта и искусственной жизни — пока не окажется, что, как заметил Гюнтер Андерс, «человек устарел».

Между инструментально-когнитивной отделенностью формализованного научного знания от живого опытного знания, с одной стороны, и господством капитала, нацеленным на абстрактное приумножение стоимости, с другой, существует кровное родство. Оба методически исключают все, чего не могут формализовать и «рассчитать». Мы еще вернемся к этому. Для общества знания, стремящегося освободиться от абстрактного господства товарно-денежных, стоимостных отношений, вопрос об отношениях живого и формализованного, осознанного и бессубъектного знания неизбежно оказывается ключевым.

Каковы же последствия обесмысливания и деперсонализации знания и мышления для нашего самосознания? Как изменяется в результате наше видение таких понятий, как личность, сущность, культура, интеллект?

Начнем с интеллекта и понимания.

Интеллект предполагает взаимодействие различных форм знания. Он включает в себя способности обучения, суждения, анализа, логического мышления, предвосхищения, запоминания, расчета, толкования, понимания, воображения, адекватного реагирования на непредвиденное и т. д. Интеллект развивается только через упорное преследование цели, требующее развития этих способностей.

Даже так называемая нейробиология (*neurosciences*) пришла недавно к тому заключению, что, как пишет Эрих Риболиц, «интеллект не может существовать иначе, как в телесном воплощении»⁴. Телесно-чувственное восприятие, телесно обусловленные эмоции, аффекты, потребности, ожидания, страхи и прочее всегда играют определенную роль в интеллектуальной деятельности. Без их участия исчезает способность оценивать, интерпретировать, принимать разумные решения, учиться на опыте. Без их участия от интеллекта остается лишь спо-

⁴ E. Ribolits, "Mythos Intelligenz", *Streifzüge* 2 (2003).

способность считать, комбинировать, анализировать, сохранять информацию — одним словом, машинный интеллект.

Научно-техническое знание не обязательно предполагает интеллект. Оно значительно беднее, чем этот последний. Оно игнорирует такие важные с политической точки зрения вопросы, как, например: какие знания для нас необходимы или желательны? Что стоит знать? В свою очередь, ни один социальный проект не может базироваться на формализуемом знании. Здесь нужно снова обратиться к принципиальному различию формализуемого научного и живого жизненно-обиходного знания.

Формализуемое знание всегда относится к реальному или нереальному, материальному или нематериальному предмету, положенному как самостоятельный, существующий вне меня. Он считается познанным, если его предметность описана как меня никоим образом не предполагающая. Недопустимо, чтобы она каким-то образом зависела от меня; я ни в коей мере не должен брать на себя ответственность за нее.

Все предметы, соответствующие одним и тем же понятийным определениям, считаются *тождественными* между собой, как бы они ни были различны с жизненно-обиходной точки зрения. Это отождествление предмета через его определение — явно абстрактная социальная конструкция. Наука знает о природе только то, что может постичь, опираясь на принципы и законы, с которыми она к природе подходит. Наука принуждает природу, говаривал Кант, отвечать на вопросы, «которые ставит ей разум», и способна узнать о природе только то, о чем готова спрашивать на основании собственных принципов. Следовательно, понятийные определения, посредством которых опознается предмет знания, заданы культурно и социально. Они придают предмету идентичность, не обладающую очевидностью живого опыта.

Научное знание — результат социального процесса обучения. Прежде всего это знание общественно значимых определенностей, на которых базируется социально признанное постижение действительности. Это определенности, которые принимаются в данном обществе в данное время и преподаются в школах, в то время как интуитивное знание о чувственно познаваемой реальности самих вещей приобретает в основном во внешкольном опыте и, по крайней мере в некоторой своей части, подвергается со стороны системы образования цензуре и обесценке. При благоприятных условиях изначальное опытное знание находит свое выражение в искусстве.

Наше первое, изначальное отношение к миру — это не знание, основанное на формализованных сведениях, а знание интуитивное, донаучное. Мир открывает нам себя изначально в своей чувственно познаваемой реальности, мы «понимаем» его телесно, развиваем и формируем его применением своих способностей чувственного восприятия, которые, в свою очередь, развиваются благодаря работе познания мира. Мы

знакомимся с миром через свое тело, а с телом — через действия, раскрывающие мир, сами раскрываясь в нем. Этот чувственно познанный, телесно пережитый мир, как говорил Гуссерль уже в 1906 г., «единственно реальный, реально данный в чувственном восприятии, единственно познаваемый мир — мир нашей повседневной жизни»⁵.

Без этого донаучного знания не было бы ничего внятного, понятного, осмысленного для нас. Это «почва нашей уверенности в чем бы то ни было» (Гуссерль), фундамент очевидностей, на котором строится наше существование. Оно обнимает все, что мы знаем и умеем, не прибегая к формализуемому знанию, как, например, ходить, ориентироваться, говорить, обращаться с предметами, понимать метаязык выражения лица и интонаций. Языком социальной жизни и обращением с существующими в ней вещами мы овладели в процессе пользования. Наши неформальные знания — это своего рода материал нашего сознания, основа, на которой происходит развитие личности — или не происходит, если такой основы нет.

Качество любой культуры и цивилизации зависит от динамического равновесия, которое она способна создать между интуитивным жизненно-обиходным знанием и знанием формализуемым, научным. Это качество зависит от синергии, позитивного взаимодействия, устанавливающегося между развитием того и другого. Оно зависит от того, повышает ли прогресс науки качество жизни, качество быта. Оно зависит от социальной и природной окружающей среды, способствующей развитию человеческих способностей благодаря богатству своих форм, красок, звуков, материи, своей пространственной организации, обустройству жилищ и оборудованию, многосторонностью и доступностью общения и коммуникации.

Направлены ли знания, позволяющие помыслить то, что не понятно интуитивно, на то, чтобы дополнить, скорректировать, расширить жизненно-обиходное знание? Открывают ли они новые смысловые горизонты, делают ли их доступными всем и каждому? Может ли дальнейшее развитие науки ориентироваться на желания, потребности, стремления, возникающие из жизненного обихода? Стремится ли наука к синергии с неформальным знанием или относится к нему с презрением, претендуя на монополию истинного знания?

Эти вопросы являются ключевыми для культурной, социальной и политической критики, лежащей в основе экологического движения. Я уже имел случай показать, что это движение изначально имело целью не «охрану природы», а сопротивление частному присвоению и разрушению того общественного достояния, которое пред-

⁵ E. Husserl, *Einleitung in die Logik und Erkenntnistheorie*, Vorlesungen des Jahres 1906/1907, *Gesammelte Werke*, Bd. XXIV, p. 48f. Цитируется и комментируется в: R. Boehm, *Topik*, Dordrecht: Kluwer 2002. Эта книга Бёма расширяет и дополняет его *Grundlagen des Zeitalters*, Den Haag: Nijhoff 1974.

ставляет собой мир жизненного обихода как таковой⁶. Это растущее сопротивление относится как к мегатехнологиям, так и к спекуляции землей, а также к тем государственным и частным силам, которые отнимают у жителей их жизненную среду, будь то через химическое и шумовое загрязнения, асфальтирование или превращением в дефицит бесплатных природных ресурсов, таких как свет, воздух, вода, тишина, пространство, леса и прочее. Акции протеста, на первый взгляд локальные и чисто культурного характера, приняли выраженный политический характер в 1970-е годы после того, как группа британских ученых, а вскоре затем американцы, действовавшие по поручению Римского клуба, показали, что способ развития индустриальной экономики таков, что он разрушает природные основания жизни на земле и ведет к тому, что люди, при постоянно растущих затратах, живут все хуже.

Так была разорвана связь между «больше» и «лучше». Разрыв между капиталистическим созданием стоимости и подлинным богатством, о котором шла речь в предыдущей главе, связан, судя по всему, с разрывом между нарастающей массой научных знаний и повседневной жизнью. Высокотехнологические аппараты, относительно которых считалось, что они должны господствовать над природой и подчинять ее господству человека, стали обособившейся силой, которая подчиняет человечество враждебной жизни логике капитала.

Развитие научно-технических знаний, кристаллизовавшееся в техническом оснащении капитала, породило не общество интеллекта, а, как пишут Мигель Бенасаяг и Диего Штулварк, общество невежества⁷. Хотя большинство людей *знает* все больше разных вещей, *понимают* и *вникают* они во все меньшее их число. Специалисты усваивают раздробленные специальные знания, однако их взаимосвязь, значение и следствия, а также та «независимая комбинаторика, которая управляет техникой»⁸, от них ускользают. Общее интуитивное повседневное знание дисквалифицируется огромным числом профессиональных экспертов, претендующих на монополию в области знания. Иван Иллич называл это «лишением дееспособности со стороны экспертов», которые закрепляют своим вердиктом неспособность человека отвечать за себя в непонятном мире.

Техническая наука породила мир, который невыносим для человеческого тела, калечит его, насилует навязанным поведением, ускорением и интенсификацией требуемых реакций. Противоречие между телесными потребностями и живым знанием, с одной стороны, и «потребностями» техно-экономической мегамашины, с другой, приняло масшта-

⁶ A. Gorz, "L'écologie politique entre expertocratie et autolimitation", *Actuel Marx* 12 (1992).

⁷ M. Benasayag & D. Sztulwark, *Du contre-pouvoir*, La Découverte 2000.

⁸ Ibid., p. III.

бы, губительные для здоровья человека. «Человеческое тело, — пишет Финн Боуринг, — мешает воспроизведению машин. Согласно наивному описанию Джорджа Дайсона, люди стали “узким местом” в циркуляции и обработке информации и знаний: “мы способны воспринимать их лишь в ограниченном количестве, и с точки зрения машин, производим их меньше, чем эти последние”»⁹.

Как первым заметил и описал Гюнтер Андерс, человек «устарел»¹⁰. Приходится успокаивать, «оглушать» доведенную до истощения нервную систему химическими протезами, а производительность мозга повышать протезами электронными. Наука и капитал объединились в этом общем предприятии, хотя цели у них разные. И только экология в самом широком смысле слова пытается творить науку, служащую развитию жизни и такой окружающей среды, которая позволяет это развитие и способствует ему. Но тут сразу вспоминается манифест, в котором около сорока знаменитых ученых обвиняли экологию в том, что она враждебна науке, потому что у нее целостный подход. Ведь она хочет понять живое не для того, чтобы подчинить его себе, а для того, чтобы защитить. Только она понимает науку как компонент культуры, долженствующий расширять жизненно-обиходное знание и служить поискам хорошей жизни.

2. Обесмысливание. На языке бога

Разрыв между научно формализуемым знанием и чувственно познаваемой действительностью имеет долгую историю. По Гуссерлю, она начинается с галилеевского «математического перетолкования природы», «извращенные следствия которого... возобладали вплоть до сегодняшнего дня над всеми другими путями мирозерцания. Я имею в виду знаменитое учение Галилея о *полной субъективности специфически чувственных качеств*, которое вскоре было с большей последовательностью развито Гоббсом как учение о субъективности всех вообще конкретных феноменов чувственно воспринимаемой природы и мира в целом. Феномены существуют только в субъектах; они находятся в них только как каузальные следствия процессов, происходящих в подлинной природе; эти процессы, в свою очередь, присутствуют только в математических свойствах. Если чувственно воспринимаемый мир нашей жизни исключительно субъективен, тем самым все истины до- и вненаучной жизни [...] оказываются обесценены»¹¹. Поэтому возникает необходи-

⁹ F. Bowring, *Science, Seeds and Cyborgs*, Ldn: Verso 2003, гл. II. Цитата из Джорджа Дайсона взята из книги *Darwin Among The Machines*, Ldn: Penguin 1997.

¹⁰ G. Anders, *Die Antiquierung des Menschen*, Bd. 2, *Über die Zerstörung des Lebens im Zeitalter der dritten industriellen Revolution*, Mü.: C. H. Beck 1980.

¹¹ E. Husserl, *Die Krisis der europäischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie*, 1936, § 9i.

мость освободить познание «из темницы плоти» и, отключив чувства и опытное знание, «думать без тела», как называл это Декарт.

Эрих Хёрль начинает свои стимулирующие *Историко-эпистемологические исследования с Лейбница*¹², и описывает, между прочим, «эпистемический переворот», начавшийся около 1850 г. и представлявший из себя победоносное шествие формального, бессубъектного, выражаемого языком математических вычислений мышления, которое сейчас (а именно в трудах Клода Леви-Стросса и появлении искусственного интеллекта) достигло своей кульминации.

Хёрль говорит следующее:

Поскольку символическое мышление обходится без наглядности и не основывает своих выводов на очевидности, Лейбниц называл его *слепым*. Эта сущностная слепота служила фундаментом математизированной науки и была условием [...] того универсального языка вычислений, который основан на свободном от истолкования, чисто формальном обращении со знаками и абстрагируется от всего, кроме символов¹³.

Слепое мышление бессубъектно, лишено наглядности, не привязано ни к каким изобразимым или представимым объектам. Оно «свободно как от внешнего, так и от внутреннего опыта», и оперирует только знаками и отношениями. Оно «действует, по Гуссерлю, согласно правилам игры [...], точно так же, как в картах или шахматах. *Изначальное мышление при этом отключается*»¹⁴. Речь идет о «мышлении без мышления», т. е. мышлении, для которого не нужно ни мыслящего субъекта, ни понимания, функционирующего, можно сказать, как «символическая машина», чьи регистрируемые с помощью символов процессы действительно «порождают прямой эффект в реальности без обходного пути через сознание» (Хёрль), т. е. могут функционировать наподобие механизма.

Эпистемическая революция достигла важнейшего поворотного пункта в трудах Джорджа Буля¹⁵. Уже Кеплер и Галилей были убеждены, что математические законы, благодаря которым можно доказать и вычислить движение неба — это язык, «на котором бог создал вселенную». Согласно Лейбницу, суть всякого мышления — логический процесс, законы которого суть законы вселенной. У Буля математическое доказательство радикализуется: все операции разума в принципе переводимы на универсальный язык символической алгебры. «Предметом собственно науки является познание законов и отношений», которые имеют универсальное значение. Эта универсальность законов предполагает,

¹² E. Hörl, *Die heiligen Kanäle*, Bln: Diaphanes Verlag 2004.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Husserl, *ibid.* § 9g.

¹⁵ См. G. Boole, *An investigation in the Laws of Thought on which are founded the Mathematical Theories of Logic and Probabilities*, Dover 1854.

что алгебраическое мышление может охватывать не только те уровни реальности, которые недоступны и непонятны для чувственного опыта и непредставимы для наглядного мышления. Алгебраическое мышление должно быть также в состоянии *изобретать* и воплощать принципиально внеопытные сущности — сущности, которые называются на современном языке «виртуальной реальностью» и могут быть воплощены в мире посредством информатики. Другими словами, возможны мыслящие машины, в которых мышление обладает непосредственной эффективностью и с помощью которых «специфически божественное» в человеке, как это порой называли, а именно, способность к логическому мышлению, может порождать новые, более высокие формы жизни.

Спустя сто лет, в 1956 г., Ньюэлл и Саймон добились первого практического подтверждения пророчеств Буля: они создали вычислительную машину, доказавшую одну из теорем *Principia Mathematica* Рассела и Уайтхеда. Иначе говоря, они создали *мыслящую машину*, которая в глазах этих пионеров искусственного интеллекта доказывала, что человек способен создавать машины, функционирующие так же, как его разум. Они верили, что «люди в один прекрасный день научатся переносить в машины свои души», как выразился в 1963 г. Алан Тьюринг¹⁶.

Примечательно, что булевская идея эпистемического переворота родилась в эпоху, когда несомненный прежде гносеологический примат наглядности и образного мышления переживал серьезный кризис, неудержимо углубляющийся и по сей день. Во времена Буля физика как раз открывала пласты реальности (а именно электромагнитные поля), постижимые лишь математически и непредставимые для наглядного мышления.

Более того: система капиталистической экономики, которая непрерывно, можно сказать, вынужденно, воспроизводит предпосылки своего функционирования, сама подобна кибернетической символической машине. Прогрессирующая «математизация» научного мышления проходит в условиях прогрессирующей математизации общественных отношений. Сам капитализм был победным шествием символического и формального, сметающим на своем пути не поддающиеся расчету, связанные с опытом и переживанием грани социального жизненного универсума. Законы его движения основаны на отношениях, которые можно выразить лишь алгебраически и которые совершенно безразличны к вещественным предметам производства. Эти подчиняющие себе всё, оторванные от чувственного опыта символические вычисления становятся просачивающейся в жизненный мир дисквалификацией самого этого мира. Понятие стоимости и всеохватывающие отношения стоимости недоступны наглядному мышлению. Последствиями этой недоступности выступают денежный и товарный фетишизм, превращение

¹⁶ A. Turing, “Computing Machines and Intelligence”, in E. Feigenbaum (ed.), *Computers and Thought*, N.Y.: McGraw-Hill 1963.

жизни и личности в деньги. Усложнение системы страхования, администрирования и финансов способствовало обособлению экономики и превратило расчеты в необходимый способ доступа к подчиненной абстракциям социальной реальности.

Капитализм с самого начала неуклонно стремился к тому, чтобы подчинить людей власти мыслящих машин и машинного мышления. Абстрактное вытеснило конкретное и оплело жизненный мир паутиной алгебраических уравнений, которые благодаря своей структурной эффективности кажутся более реальными, чем паутина живых социальных связей.

Обособление экономики и сопровождающее ее политическое бессилие общества сделали невозможным естественное вхождение науки в культуру. Наука, попав в струю продуктивистской динамики утилизации, также обособилась от социально-политических задач. Вопрос о «подлинном смысле», «конечной цели», к которой стремится наука, уже не ставится, так же как не ставится для капитализма вопрос о «конечной цели» экономического роста. Гуссерль пишет, что «конечная цель, которой с самого начала должна была служить новая наука о природе, [...] вырастающая из донаучной жизни и ее окружения, [...] все же с необходимостью должна была находиться в самой этой жизни и быть связана с ее жизненным миром». Однако математизированная наука, увлекшись своими обесмысленными методами, настолько замкнулась для смысловых связей жизненного мира, «что настоящий, исконно-подлинный смысл этой теории остался *скрыт* от физиков, даже великих и величайших — и иначе и быть не могло»¹⁷. Гуссерль желает ученым вернуться мыслью к этому «*настоящему*», единственно подлинному смыслу». Он, очевидно, не хочет замечать, что настоящий смысл достижений математического мышления как раз и состоит в его обособлении от вопросов смысла, ставимых жизненным миром, и возвращение мыслью к этому последнему противоречило бы всей логике научной активности Нового времени. Ведь для идеально-типического ученого его математицизирующая деятельность *действительно* бесцельна. Она является для себя самой конечной целью. Это аскеза, посредством которой «познающе-действующий» (Гуссерль) избавляется от природной обусловленности и принадлежности телесного человека природе и растворяется, воссоединяясь с космосом, в бессубъектном и беспредметном математическом языке, на котором Бог создал вселенную и *который сам есть Бог* («в начале было Слово... и Слово было Бог...»).

Математическое мышление — это аскетическое искусство упражнения в избавлении от желаний и потребностей, чтобы в качестве чистого духа слиться с космосом. Ниже мы еще будем встречаться с этим пантеистическим экстазом в сочинениях «великих и величайших» пионеров искусственного интеллекта.

¹⁷ Husserl, *ibid.*, § 9h.

Поэтому «возвращение мыслью к конечной цели» для идеально типического ученого невозможно. Его аскеза — уже осуществление этой цели. Приписывать ему еще и другую мотивацию, «необходимо относящуюся к этой жизни», значило бы подозревать в нем субъективные человеческие побуждения, которые он с презрением отвергает. *Он вовсе не хочет быть человеком.* Я имел возможность лично констатировать это нежелание в беседах с Клодом Леви-Строссом — вероятно, крупнейшим виртуозом бессубъектного формализующего мышления. Он вообще отрицал свое наличие как человека. Мои возражения, что он же сию минуту со мной говорил, он отверг с насмешливой невозмутимостью: его высказывания — лишь переключения нейтронов в «его» мозгу (по сути, он не имел права говорить о «своем» мозге).

В обобщающем комментарии, который Эрих Хёрль в последней главе своей книги посвящает Леви-Строссу и Лакану, он вкратце формулирует, в чем состоит наука — я скорее сказал бы, «дух науки»:

Чтобы пробиться к реальности, нужно сначала отбросить опыт. [...] Между опытом и реальностью существует пропасть. Нужно по возможности устранить из мира внутреннюю жизнь человека ради безобразности чисто символического мышления. Поворот в математическом мышлении должен вообще устранить понятие человека. [...] Перед наукой стоит задача уничтожения человека.

Именно эта цель и стоит при создании искусственного интеллекта и искусственной жизни.

3. Наука и ненависть к телу

Наука — уникальное предприятие, которое откровенно хочет освободить «разум» от его фактичности и сравниться с Богом. Протест против телесного существования, конечности и смерти выражается в ненависти к природе и погруженности жизни в природу, в отвращении к факту рождения из тела женщины и к тому, что зачатие произошло путем случайной встречи яйцеклетки с семенем. Особенно грубо проявляется ненависть к природным фактам жизни, и тем самым к материнству, в стремлении «науки» заменить женскую матку искусственной. Реализация этого «экзогенеза» проходит под предлогом «освобождения женщины от тягот беременности». Это стремление — лишь прозрачное прикрытие другой цели, а именно научно-технической рационализации человеческого размножения.

Джозеф Флетчер, гарвардский профессор, специалист по биомедицинской этике, от имени «большинства эмбриологов и плацентологов, занимающих ответственные посты» утверждает: «мы установили, что матка — это темное и опасное место (*dark and dangerous place*), область повышенного риска. Мы должны желать нашим потенциальным детям находиться в таком месте, где за ними можно оптимальным образом наблю-

дать и сохранять их». Оплодотворение *in vitro*, искусственная прозрачная матка, медицинское наблюдение беременности: вся область размножения должна оказаться под мужским контролем, стать делом специалистов. Ее необходимо рационализировать, подчинить норме и вырвать у природы, и прежде всего необходимо раз и навсегда отобрать у женщин — которые всегда считались иррациональными существами, подчиняющимися лишь эмоциям и страстям — ту власть над детьми, которую дает им беременность. У матерей должна быть экспроприрована социальная власть, которую грозит предоставить в их распоряжение беременность. Эта экспроприация, то есть попросту отмена беременности, будет достигнута, добавляет Флетчер, «когда клонирование людей будет доведено до совершенства и экзогенез станет предпочтительной заменой реимплантации»¹⁸.

Стремление Флетчера и ему подобных уничтожить случайность (и более того: контингентность), уничтожив природу, ясно показывает родство, изначально существующее между духом науки¹⁹ и духом капитализма. Для обоих природа — прежде всего источник случайностей, риска и помех. Ее нужно по возможности укрощать, покорять и поработать путем рационального *упорядочения* мира, уничтожающего неуверенность и непредвиденность. Их лозунг — «порядок и прогресс» (Огюст Конт): поставлена задача уничтожить внешнюю природу и заменить ее в рамках запрограммированной и саморегулирующейся мировой машины на машин-людей и людей-машин. В XIX столетии это было идеалом союза науки и капитала в цивилизации инженеров. Этот идеал принял более радикальную форму: сейчас речь идет о том, чтобы (заново) создать мир, а не просто упорядочить его. Основа этого союза — родство между духом науки и духом капитала — по-прежнему сохраняется и позволяет науке и дальше стремиться к автономии.

Планируемое осуществление экзогенеза — а затем, как мы уже видели, искусственного интеллекта и искусственной жизни — образцовый пример в этом отношении. Речь идет не больше не меньше как об *индустриализации* (вос)производства человека таким же точно образом, как биотехнологии индустриализируют (вос)производство пород животных и растений. Они заменяют естественные породы искусственными, созданными генной инженерией. Уничтожение природы проводится не по демиургическому плану науки, а по замыслу капитала заменить исконные богатства, от природы безвозмездно доступные каждому, искусственными, рыночными богатствами. Мир нужно превратить в това-

¹⁸ J. Fletcher, *The Ethics of Genetic Control: Ending Reproductive Roulette*, Buffalo, N.Y.: Prometheus 1988; цит. по: F. Bowring, *Science, Seeds and Cyborgs*, *ibid.* гл. 10. Об откровенно женоненавистническом («мачистском») характере науки см. D. Noble, *The Religion of Technology. The Divinity of Man and the Spirit of Invention*, Ldn: Penguin 1999.

¹⁹ Я употребляю сочетание «дух науки» в том смысле, какой придает ему Макс Вебер, а не в смысле научного духа.

ры, производство которых монополизируется капиталом, благодаря чему он получает господство над человечеством.

У нас уже имеется рынок спермы и рынок яйцеклеток, рынок суррогатного материнства (т. е. рынок маток), рынок генов, рынок стволовых клеток, рынок зародышей и (нелегальный) рынок органов. Продолжение этой тенденции ведет к выставлению на рынок якобы генетически «оптимизированных» детей любого возраста, а в конечном счете — к появлению рынка клонированных или полностью искусственных человеческих или «постчеловеческих» существ, а также искусственных экологических ниш на этой или на какой-нибудь другой планете.

Капитал и наука взаимно поддерживают друг друга в своих целях, которые хоть и различны, но имеют много общего. Оба стремятся к чистой власти в аристотелевском смысле самоцели. Оба равнодушны к любой цели и любой определенной потребности, поскольку неопределенная власть денег, с одной стороны, и теоретического знания, с другой, — выше всякого определения, будучи способна на все. Оба заслоняются деперсонализирующими приемами вычислений от возможности рефлексивного возвращения к себе самим. Однако этот союз науки и капитала с недавних пор обнаруживает трещины. Ведь если для капитала исключена возможность когда-либо избавиться от зависимости по отношению к науке, то у науки есть возможность эмансипироваться от капитала.

Эта перспектива встает на горизонте тех исследований по созданию искусственного интеллекта и искусственной жизни, которые потенциально ведут к постприродной, постбиологической и постчеловеческой цивилизации. Эта новая эра заявила о себе, не привлекая сперва большого внимания, когда в середине XX века Шеннон и Тьюринг изобрели первые «машины, способные подражать работе мозга», и, как тогда думали, даже превосходить его возможности. Следующим сигналом было почти одновременное с этим открытие структуры ДНК, о котором Роберт Синсгеймер говорит: «Мы можем утверждать, что открыли язык, на котором Бог создал жизнь»²⁰. Тем самым история природы как будто подошла к концу. Ожидалось, что «человек» станет наряду с Богом «со-творцом вселенной», включая жизнь и себя самого. Наука, по мнению Элвина Андерсона²¹, занята сейчас тем, что «выполняет поставленную Богом задачу»²².

С этого момента наука осознала изначальный смысл своих планов и осмелилась со всей прямотой выразить свое отвращение к биологической жизни и природе. Одна из самых показательных в этом отношении книг, внесшая решающий вклад в расшифровку молекулярной

²⁰ R. Sinsheimer, *The Strands of Life*, Berkeley: University of California Press 1943.

²¹ Профессор генетики в Миннесотском Университете и соавтор (с Bruce Reichenbach) книги *On Behalf of God: A Christian Ethic for Biology*, Grand Rapids: William Eerdman 1995.

²² Цит. по: D. Noble, *The Religion of Technology. The Divinity of Man and the Spirit of Invention*, Ldn: Penguin 1999.

структуры ДНК, принадлежит перу Джона Д. Бернала, английского биолога и пионера рентгеновской кристаллографии. В работе под названием *Миф, плоть и дьявол*²³ Бернал заявил, что «природа, тело, а также желания и эмоции» являются врагами «рациональной души».

В принципе прогресс направлен на то, чтобы заменить окружающую среду, предлагающую различные возможности путано и без разбора, искусственной средой, обладающей последовательной целенаправленностью. С течением времени будет все меньше необходимости принимать природу, ценить ее и вообще понимать. На ее место заступит необходимость точно определять, как именно целесообразнее всего устроить контролируемую человеком вселенную.

Конечно, этот контроль над вселенной не может принадлежать всем людям. Поэтому Бернал предусматривает элиту, состоящую из ученых, «из трансформированных людей, (чьи способности) намного превосходят способности нетрансформированного человечества». Они должны стать «виртуально бессмертными», чистым теоретическим интеллектом, оставившим свое тело «далеко позади» и создавшим себе новое, «механизированное тело». «С точки зрения эволюции, нормальный человек оказался тупиком. Механический человек, на первый взгляд представляющий из себя разрыв с органической эволюцией, на самом деле в большей степени продолжает эволюционную традицию». Однако «новая жизнь, которая не перенимает ничего из материи и все из духа прежней жизни» сама будет лишь ступенью. В конце концов «наступит время, в которое и само сознание прекратится или растворится в человечестве, превратившемся в чистый интеллект. Оно полностью освободится от связанности с организмами, станет массой атомов в пространстве, которые общаются друг с другом посредством излучения и в конце концов, вероятно, полностью растворятся в чистом свете»²⁴.

4. От искусственного интеллекта к искусственной жизни

Этот призрак эфирного бессмертного разума обнаруживается тридцать лет спустя у пионеров искусственного интеллекта, в частности у Ганса Моравека. Первые исследования по созданию машин, способных подражать человеческому разуму и превосходить его, проводились корпорациями MIT (Массачусетский технологический институт) и RAND и финансировались DARPA (Defense Advanced Research Project of Artificial Intelligence) при Пентагоне. Официальное введение программы

²³ J. Bernal, *The World, the Flesh and the Devil. An Enquiry into the Future of the Three Enemies of the Rational Soul*, Bloomington: Indiana UP 1969, цит. по: D. Noble, *The Religion of Technology...*

²⁴ Bernal, *ibid.* См. также: Н. Моравек, *Robot: Mere Machine to Transcendent Mind*, N.Y.: Oxford UP 1998.

искусственного интеллекта произошло в 1956 г. на конференции в Дармутском Колледже. Конференция предложила «положить в основу исследований следующий тезис: все аспекты обучения и прочие аспекты интеллекта могут быть описаны достаточно точно, чтобы изобрести машину, способную их воспроизводить».

На конференции и в последующей работе доминировала личность Марвина Минского. Он выказывал свое презрение к «машине из мяса» (meat machine) под названием мозг и отвращение к «кровавому мессиву» (bloody mess) человеческого тела. По его мнению, «возможно полное освобождение мысли от мыслящей личности. [...] Самое важное в процессе усовершенствования мышления — попытка деперсонализировать себя изнутри». Как и Ньюэлл и Саймон, он не видел различия между человеческим разумом и машиной по обработке данных, «продуцирующей мышление». Оба относятся к «одному и тому же роду», а именно к программированным машинам. «Наш мозг — это тоже машина. [...] Наша способность создавать искусственный интеллект может однажды достичь такой высоты, что мы окажемся способны создавать искусственных ученых, художников, композиторов и личных друзей»²⁵.

С конца 1970-х годов в Калифорнии появляется идея, что бессмертный «разум» или бессмертную «душу» можно загрузить в машину, чтобы вечно жить в кибернетическом пространстве, и что тело уже устареваает. В 1984 г. Шерри Тёркл опубликовал эпохальный сборник интервью с рядом ученых²⁶. Большинство участников выразило убеждение, что машинный интеллект превосходит человеческий. По их мнению, в будущем машины сбросят с себя зависимость от людей, а люди смогут сохранить превосходство только в том случае, если будут жить в симбиозе с машинами. Один исследователь из DARPA поведал: «Моя мечта — создать собственного робота. Я дал бы ему свой интеллект, сделал бы его своим разумом... видел бы в нем самого себя [...]. Создать нечто подобное [...] — самое важное, что может сделать человек». Другой выдающийся пионер искусственного интеллекта, президент Thinking Machines Inc., мечтает о том, чтобы его двойник-робот сказал ему в момент рождения: «Ты хорошо поработал. Я горжусь тобой».

Вера в возможность перенести человеческий разум на неорганические носители в виде микросхем возникла на самом деле как побочный продукт военных исследований. Вначале речь шла о том, чтобы создать некий центр, способный расшифровывать для оборонной системы SAGE информацию о самолетах противника. Затем самолет-бомбардировщик F 14 (и, конечно, все следующие модели) был снабжен такой высокотехнологической системой вооружения и таким высоко-

²⁵ M. Minsky, "Thoughts about Artificial Intelligence", in R. Kurzweil (Hg.), *The Age of Intelligent Machines*, Cambridge [Mass.]: MIT Press 1990; цит. по: D. Noble, *The Religion of Technology...*

²⁶ S. Turkle, *The Second Self*, N.Y.: Simon und Schuster 1984.

скоростным потоком информации о локализации целей, что использование этой информации превосходило человеческие возможности. Пилоты вынуждены были «расширять» свои способности путем симбиоза с компьютерами.

Идея, что интеллект может не только использовать компьютер себе в помощь, но и быть перенесен в компьютер, достигает фантазмагорической кульминации у Ганса Моравека, проектировавшего сложнейших роботов для НАСА. В *Mind Children*²⁷, а затем в *Robot: Mere Machine to Transcendent Mind*, он обсуждает возможность «трансплантации» разума путем подключения пучка нейронов мозга к компьютеру, который в результате, как он пишет, окажется способен «освободить человеческое мышление от его прикованности к смертному телу», сохранять интеллект в памяти компьютера, неограниченно размножать и в любой момент вызывать обратно к жизни.

Эта наивная вера, что мозг полностью «содержит» разум в виде программы, которую можно переносить и копировать, как компьютерную программу — не личная особенность Моравека. Она присутствовала и у Бернала, для которого «важен только мозг» (the brain is all that counts), способный функционировать в отрыве от тела. Она проявляется и у Фредкина (МТИ и Стэнфордский университет), верящего в возможность «планетарного алгоритма», обеспечивающего «мир и гармонию на земле». Для него создание искусственного интеллекта — третья и последняя стадия эволюции после создания планеты Земля и жизни. На этой стадии разум освобождается от материального мира и «творец совпадает с творением».

С самого начала пионеры искусственного интеллекта определяли человеческий разум как «программированную машину», сопоставимую с компьютером. Они понимали мышление как последовательность операций, причем Бернал в начале 1950-х гг. рассчитывал на то, что эта последовательность поддается анализу в рамках двоичного счисления и описанию в цепочках да/нет, образующих компьютерную программу. Позже они показали, что почти все задачи можно разрешить, описав их подобным образом (и они поддаются такому описанию); они показали, что «мыслительные машины» быстрее и надежнее, чем человеческий интеллект, упорядочивают, координируют, запоминают и обрабатывают большой поток информации, и что способность мыслительных машин к вычислению и прогнозу, и даже их способность к интерпретации намного превосходят или могут превосходить человеческое мышление — конечно, при условии, что смысловые связи заданы однозначно.

Однако они никогда не ставили себе самого важного вопроса, а именно вопроса о способности тщательно анализировать проблему, отделять существенное от несущественного, осмысленное от бессмыслен-

²⁷ H. Moravec, *Mind Children: The Future of Robot and Human Intelligence*, Cambridge [Mass.]: Harvard UP 1988.

ного, выбирать и устанавливать цель, а потом добиваться ее, и менять свое поведение ввиду непредвиденных обстоятельств. Еще более старательно они избегали вопроса о причинах и критериях, по которым выбираются цели, проблемы и решения. Так от чего же зависят этот выбор и эти критерии? Если интеллект функционирует как запрограммированная машина, то кто написал программу? Пионеры искусственного интеллекта попросту игнорировали все те вопросы, которые указывают на сознающий живой *субъект*, на субъект, который потому мыслит, вычисляет, делает выбор, действует, добивается цели, что *ощущает* желания, потребности, надежды, страхи, наслаждение и боль — одним словом, потому что он представляет из себя *нуждающееся существо*, которое всегда желает чего-то и которому всегда чего-то не хватает, потому что оно чем-то еще не является или чего-то еще не имеет. Это существо в силу своего ощущения нехватки, *чувства неполноценности*, всегда существует для самого себя в будущем и неспособно совпадать с самим собой в неподвижной полноте бытия²⁸.

Это чувство неполноценности владеет, очевидно, и пионерами искусственного интеллекта. Такова онтологическая структура сознания. Но нужно добавить: сознания как способности, неотделимой от тела, — такого сознания, которое с самого рождения испытывало холод, жажду, голод, стремление к защищенности и безопасности. Чувство, что тебе чего-то недостает, и потребность превзойти себя для восполнения этого недостатка принадлежат к самой сущности живого сознания. На этой основе развивается и интеллект, и именно из нее он черпает свой основополагающий жизненный импульс. Напротив, механистическое понимание интеллекта предполагает изначальное наличие этого импульса, как будто он от века запрограммирован в мозгу и нуждается лишь в пробуждении. Однако интеллект как раз и не представляет из себя заранее написанной программы: он может быть только живым; он может быть только как способность *упорно работать над собой и производить себя*. Эта способность «приспосабливать себя к собственному недостатку» (Сартр), представляющая из себя, по сути, способность творчески трудиться, фантазировать, сомневаться, изменять себя, одним словом, определять самого себя, — не может быть описана посредством программы. Она не поддается программированию, поскольку мозг — это не единство написанной и размножаемой программы. Мозг — это живой орган живого тела, орган, который *непрерывно программирует и перепрограммирует самого себя*.

Все это в определенном смысле не укрылось и от Ганса Моравека. Его исходный тезис гласил, как и у других пионеров искусственного интеллекта, что интеллект, переложенный на цифровой язык, будет освобожден от своего тела, своей фактичности и своей конечности. Его по-

²⁸ См. J.-P. Sartre, “L’Être-Pour-Soi”, *L’Être et le Néant*, Gallimard 1943. Русс. пер.: Жан-Поль Сартр. *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии*. М., 2004.

пытки помыслить такой интеллект доказывают против его воли, что интеллект, «освобожденный» от телесной жизни – это интеллект без стремления, без целеполагания, без эмоций и без чувства времени, чистая бесцельная потенция, которая «так мало отличается от небытия, как только можно себе представить», как говорил Поль Валери²⁹. Такой интеллект не живет и не существует.

Поэтому Ганс Моравек представляет его себе в *Mind Children* как нечто вроде космического излучения, которое вне времени распространяется по вселенной. Оно «превращает безжизненное в разум» и «способно превратить всю вселенную в мыслительную сущность, в чистую единицу мозга». Иначе говоря, это чистая виртуальность всякого возможного сущего.

Но если речь идет о существующем, действующем в пространстве и времени интеллекте, способном обучаться и обогащаться опытом, то такой интеллект требует живого тела. Точнее, он должен создать себе по своей мерке тело и жизнь. Стало быть, чтобы создать искусственный интеллект, нужно создать искусственную жизнь (*Artificial Life*). Исследования пионеров искусственного интеллекта, в особенности Моравека³⁰, но и Курцвайля, постепенно ориентируются на роботов и на создание машин, обладающих всеми особенностями живого интеллекта и жизни: способностью самосохранения, саморегуляции, роста, развития, самопорождения, самовоспроизведения или самосоздания. Это те самые свойства, которые – как показал Эдгар Морин³¹ – делают жизнь в первую очередь автопоэзисом, самотворением; именно за их счет она ни к чему не сводима и ничем другим не объяснима. Жизнь объяснима только из себя самой.

Исходным пунктом программы искусственной жизни стала теория способных к самовоспроизводству клеточных автоматов Джона фон Неймана. НАСА заинтересовалась ею в 1980 г. Предполагалось разработать фабрики, способные к самовоспроизводству, саморасширению, самостоятельному устранению внутри себя неполадок и дальнейшему развитию. Эти полностью автономные универсальные фабрики предполагалось в будущем установить на других планетах, откуда они могли бы «овладеть вселенной». В 1985 г. американское министерство авиации решило создать в Лос-Аламосе собственный исследовательский центр по проблемам искусственной жизни, где фон Нейман и провел остаток дней, занимаясь разработкой ядерного оружия. Первая конференция по искусственной жизни в Лос-Аламосе сформулировала свою задачу так: «Искусственная жизнь – исследование искусственных систем, име-

²⁹ P. Valéry, *Variété I*.

³⁰ Ганс Моравек – директор и один из основателей Mobile Robot Laboratory университета Карнеги-Меллона, крупнейшего мирового центра по исследованиям в области роботов.

³¹ E. Morin, *La vie de la vie*, Seuil 1980.

ющих характеристики естественных, живых систем. Микроэлектроника и генные технологии скоро дадут нам возможность создавать новые формы жизни *in silico* и *in vitro*».

Однако пионеры искусственного интеллекта и искусственной жизни стремились и к более высокой цели: для них речь шла о том, чтобы вообще устранить природу и человека как биологический вид и создать «по ту сторону человечества» «суперцивилизацию» роботов, которая сформировала бы вселенную по своему подобию и «превратила человеческое существо в нечто совершенно иное»³².

5. Устаревание тела и человека как биологического вида

От машины-человека к человеку-машине

Не так уж важно, насколько все эти футуристические фантазии об искусственной жизни серьезны и осуществимы. Важно намерение, то есть дух науки, который в этом намерении отражается. Судя по всему, он отражается в нем так убедительно, что знаменитые представители американской интеллектуальной элиты всерьез обсуждали проблемы постбиологической и постчеловеческой цивилизации, в которой главную роль играли бы во всех отношениях превосходящие человека роботы. Сотрудники ведущих университетов — несомненные корифеи в своих дисциплинах — представляли проекты, объединявшие искусственный интеллект, искусственную жизнь, генные и нанотехнологии; эти проекты казались завершающей стадией фундаментального проекта науки: освободить рациональное мышление от природы и человеческой ограниченности. Приверженцы этого проекта формулировали его в духе неогегельянства, ницшеанства или спиритуализма. Однако взглянув на их формулировки в контексте нашего времени, понимаешь, что фундаментальный проект (он же «дух») науки сумел (и *осмелился*) прийти к полному сознанию-в-себе. В самом деле: этот проект во всех своих формулировках и следствиях неотделим от духа гипер- и постмодерна, для которого самоопределение, равенство, свобода, права и достоинство человека — презренные иудео-христо-кантианские атавизмы. Затея, направленная на то, чтобы освободить интеллект от биологической ограниченности и рулетки наследственности, не является, если верить ее энтузиастам, нарушением законов природы. Напротив: человек для природы — существо, через которое она осознала самое себя и получила возможность (заново) создавать самое себя, стать собственным творцом. Нас уверяют, что создание искусственного интеллекта и искусственной жизни — это не что иное, как *последний акт* в драме эволюции, благодаря которому природа овладевает собой через посредство человека, которому она дала возможность такого овладения. Тех-

³² E. Cox, G. Paul, *Beyond Humanity: Cyber-Revolution and Future Mind*, Cambridge [Mass.]: Chs. River Media 1996.

нику следует понимать как природу, создающую самое себя через посредство человека. Природа находится в процессе превращения в научное знание, а формализованное знание становится природой. Различие между бытием и мышлением (между «быть» и «мыслить») скоро будет устранено.

Подобные теории – не идеологические прикрасы научного проекта, направленного на вполне земные цели. Они позиционируются как смысл и основной импульс этого проекта. Такие вопросы, как «К чему все это?», «Какую пользу может получить от этого человечество?», «Какую цивилизацию и какое общество готовит нам наука?», «По каким критериям хочет она пересоздать человека, жизнь и природу?» – считаются признаком тупоумия спрашивающего. Энтузиасты искусственного интеллекта и искусственной жизни считают себя намного выше пресмыкающегося по голой земле человечества. Биологическую эволюцию человека они считают тупиком (Курцвайль), а развитие интеллекта на технологической основе – осуществлением законов эволюции. По их мнению, эволюция в известном смысле воспользовалась человеком, чтобы создать нечто, превосходящее человеческий интеллект. «Путь проложен, у нас нет выбора», – говорит Курцвайль. А Моравек открыто называет будущих роботов носителями разума, превосходящего человеческий. Юго де Гарис видит себя «четвертым всадником Апокалипсиса, мрачным всадником на бледном коне, воплощением той войны», которую ведут против вида «человек» освобождающиеся роботы³³.

Все они убежденно заявляют, что в течение XXI века мир окажется во власти мыслящих машин и что люди, «в той мере, в какой они еще останутся, займут подчиненное место»³⁴. Эти люди полагают, что по закону Мура вычислительная сила компьютеров возрастет между 2020 и 2030 годами в 10^6 раз и что «роботы, покинув лаборатории, станут господами тех, кто их придумал» (де Гарис). К этому времени нанотехнологии позволят создавать «наноботов» размером с молекулу, «которых мы будем посылать себе по системе кровообращения в мозг, где они смогут прощупать все, синапс за синапсом, один нейромедиатор за другим», – уверяет Курцвайль. По его словам, «тогда мы сможем создать точную копию человеческого мозга» и повышать его интеллект добавлением «миллиардов искусственных нейронов». Поскольку биологический интеллект развивается очень медленно, тогда как «машинный нарастает по экспоненте», машины «очень скоро станут умнее любого человеческого существа». Это вынудит людей имплантировать себе все больше искусственных нейронов, чтобы не дать себя подчинить. В конце концов «небиологическая составляющая нашего разума [...] окажется доминирующей. Перед нами окажутся существа-машины, в которых

³³ Н. de Garis, интервью в *Le monde interactif* от 27 сентября 2000 г.

³⁴ К. Warwick, *In the Mind of the Machine: The Breakthrough in Artificial Intelligence*, цит. по: F. Bowring, *Science, Seeds and Cyborgs*.

нет решительно ничего биологического. [...] При этом они будут производить вполне человеческое впечатление»³⁵.

В целом получается, что люди, чтобы не потерять контроля над своими роботами, снабженными значительно более мощным интеллектом, вынуждены сами превращаться в роботов. В конце концов исчезнет разница между роботами-людьми и людьми-роботами.

Вся эта «эволюция» описывается Курцвайлем как неизбежная и естественная. Она покончит с тем человеческим обществом, которое еще будет существовать к тому времени. Курцвайль цитирует в своей книге большой отрывок из *Манифеста* Теодора Кашинского (по прозвищу Unabomber)³⁶, в котором тот утверждает, что человечество волей-неволей придет к тому, чтобы постепенно, не осознавая этого, передать машинам все полномочия решать и действовать. Ведь мир, в котором все большее количество функций выполняется крупными системами мыслящих машин, становится настолько сложным, что контролировать его смогут только машины. Сохранится ли у людей возможность контролировать мыслящие машины, если те возьмут на себя функции координировать материальные и нематериальные потоки, распределять и регулировать их? Это вовсе не очевидно. Зато очевидно, что лишь «крошечная элита» будет обладать компетенцией, позволяющей управлять крупными системами машинного интеллекта. Поэтому власть этой элиты над «массами» будет абсолютной. В человеческом труде не будет уже ни малейшей надобности. «Массы» людей будут лишь бесполезной нагрузкой для системы. Элита сможет выбирать: уничтожить их, свести «к положению домашних животных» или дать им для проведения времени какое-нибудь безобидное занятие, пишет Кашинский. А Курцвайль дополняет картину предложением вживить в мозг этих ставших бесполезными людей «наноботов», чтобы контролировать их мысли.

Рэй Курцвайль, со своей стороны, трактует «технологическую элиту» как «преторианскую гвардию», как касту «верховных жрецов высоких технологий», контролирующую и направляющую остальных, в основном «менее умных», людей. Таким образом «эволюция» общества и цивилизации будет полностью подчинена «эволюции» мыслящих машин. Де Гарис убежден, что такие машины уничтожат людей, если выиграют войну с ними. Сам он — на стороне машин. Ганс Моравек предсказывает, что «биологическое человечество» в конце концов проиграет борьбу за контролем над природными ресурсами. «Биологическим видам ни за что не выжить в борьбе с конкурентами бо-

³⁵ R. Kurzweil, “Was bleibt vom Menschen?“, интервью в газете *Die Zeit*. №16, ноябрь 1999 г.

³⁶ Оригинал *Манифеста* Кашинского против индустриального общества был опубликован в сентябре 1995 г. в *New York Times*, *Washington Post* и *Time Magasin*. Его можно прочитать в интернете на странице www.unabombertrial.com.

лее высокого порядка». Только постчеловеческие киборги, которым их небиологические протезы позволят не сдаться машинам, имеют шанс остаться в живых.

Так или иначе, но конец человека как вида уже заложен в программу. «Эволюция» обрекает человека на создание античеловека, который уничтожит своего создателя. Наука осуществляет свой исходный проект: она избавляется от человека как вида.

Садистическое удовольствие, с которым представители технологической элиты излагают свои апокалиптические видения, весьма красноречиво. Я не решился бы выдумать все это, чтобы нагляднее показать дух науки. У меня было бы при этом чувство, что я грубо преувеличиваю его ненависть к природе и жизни. Вероятно, большая часть постбиологических и постчеловеческих пророчеств окажутся инфантильными фантазиями, а искусственный интеллект и искусственная жизнь не сдержат тех антиутопических «обещаний», которые видят в них их энтузиасты. Однако нет никаких оснований быть в этом уверенным. «Путь проложен», как выразился Курцвайль. Другие люди используют другие средства, чтобы двигаться по нему дальше.

Генетическое перепрограммирование – кого и кем?

План улучшить человеческий род не нов. Изменились лишь аргументы в пользу евгеники. Вэнс Паккард цитирует по этому поводу книгу сэра Фрэнсиса Гальтона, одного из первых защитников евгеники в XIX столетии: «возникла необходимость улучшить человеческую породу. Средний человек слишком низмен для современной культурной повседневности»³⁷. Следовательно, улучшение человека отвечает не его собственным потребностям, а потребностям машин. Финн Боуринг пишет, что биологическое устройство человека – это «препятствие, которое, с точки зрения машины, должно быть устранено»³⁸. Курцвайль говорит то же самое другими словами: «В следующем столетии будет достигнут предел, когда знания и способности среднего человека станут уже не достаточны. Тому, кто в эту эпоху захочет принимать участие в экономической жизни, придется вооружить свой мозг искусственным интеллектом»³⁹. Техническая наука, стакнувшаяся с капиталом, сделал мир не пригодным для человеческой жизни. Человека нужно изменить. В конце концов машины станут господами, а люди – их подданными.

Элвин Андерсон и Брюс Рейхенбах заявляют в своей книге: «Мы обладаем невероятной властью пересоздать человека, каким мы хотели бы его видеть на земле [...]. Мы можем так генетически запрограммировать грядущие поколения, чтобы они отвечали заданным общим

³⁷ Цит. по: V. Packard, *The People Shaper*, Boston: Little, Brown and Company 1977.

³⁸ F. Bowring, *Science, Seeds and Cyborgs...*

³⁹ R. Kurzweil, “Was bleibt vom Menschen?” ...

характеристикам»⁴⁰. Но кто такие мы? Кто кого пересоздает и по каким критериям?

Генная инженерия отвечает прежде всего спросу теневого рынка, питающемуся иллюзиями «науки» об определяющей роли генов⁴¹. Этот спрос производит нормальное и вмняемое впечатление, поэтому общество молчаливо принимает и признает его. Генная инженерия отвоевывает себе место постепенно. Даже клонирование человека можно преподнести безобидно: зачем лишать возможности иметь биологическое потомство тех, кто иначе не мог бы его иметь? И почему те, кто этого хочет, не имеют права на двойника?⁴² Разве не нормально, что родители хотят обеспечить детям по возможности отборный «генетический капитал»? Нетрудно догадаться, что на первом месте среди тех наследственных (?) качеств, которые якобы усиливают генные технологии, стоит «производительность». Социальный дарвинизм обрел себе мощный рычаг.

Вернемся к вопросу о «нас». Генная инженерия, как и искусственный интеллект, и искусственная жизнь — это проект, позволяющий «нам» избавиться «нас» от случайности фактов, составляющих наше существование. «Мы» создадим «нас» заново и тем самым превзойдем или вовсе отменим *conditio humana*. Это пересоздание выдается за высшую стадию производства самих себя. Однако здесь таится грамматический софизм. Ведь если я работаю над собой и произвожу самого себя, то я изменяю себя «автотехнологией» или «автоманипуляцией», как говорит Петер Слотердайк⁴³. У меня развиваются способности, которых прежде не было, и возможность которых возникла во мне лишь благодаря работе автодиакта, вслепую нащупывающего цель. В отличие от этого генная инженерия — отнюдь не автотехнология: это гетеротехнология.

Когда Эдгар Морэн пророчествует, что «власть разума над генами скоро превзойдет власть генов над разумом, а власть разума над мозгом — власть мозга над разумом»⁴⁴ — имеет ли он при этом в виду *свой* мозг и *свой* разум? Если да, то ничего нового в этом нет: «У йогов чисто духовные упражнения посредством мозга оказывают выраженное влияние на работу сердца»⁴⁵. Есть и более простые примеры: я изме-

⁴⁰ E. Anderson & B. Reichenbach, *On Behalf of God ...*

⁴¹ См. блестящее разоблачение мифа о роли генов в передаче наследственных свойств в книге J.-J. Kupiec, P. Sonigo, *Ni Dieu ni gène, pour une autre théorie de l'hérédité*, Seuil 2000. См. также F. Bowring, *Science, Seeds and Cyborgs...*, гл. 6: «Здоровье, болезнь и социальное преобразование: границы генетического детерминизма».

⁴² В ходе опросов, проводившихся в США, приверженцы клонирования нередко ссылались на детскую мечту о двойнике.

⁴³ P. Sloterdijk, «Die Domestikation des Seins», в своей книге *Nicht gerettet. Versuche nach Heidegger*, Frankfurt a. M.: Suhrkamp 2001.

⁴⁴ E. Morin, *L'humanité de l'humanité*, Seuil 2002.

⁴⁵ Ibidem.

ню и усиливаю способности моего мозга любыми приемами обучения и мнемотехники, всеми упражнениями, направленными на то, чтобы достичь совершенства в каком-нибудь искусстве или спорте. Все это собственная работа над собой и производство самого себя посредством «ауто-технологии». И как раз от этой-то работы производства самих себя нас хотят избавить, заменив их гетеротехнологиями внешнего вмешательства в мозг и (якобы) в геном. Наука предлагает нам *предоставить производство* нас самих дипломированным специалистам и стать потребителями и покупателями «повышения» наших способностей.

Курцвайль предполагает, что имплантация миллиардов искусственных нейронов поможет «нам» повысить «наш» интеллект и восприимчивость; но создание и имплантация этих нейронов опять-таки не имеют ничего общего с работой над собой, с производством самих себя. Такое усиление способностей, если оно и в самом деле имеет место, порождается гетеротехнологией, так что получатель никак не участвует в труде эксперимента и обучения. Когда Курцвайль обещает кроме того, что перенос информации из компьютерной программы в мозг даст возможность за считанные секунды прочитать книгу или изучить иностранный язык, он на самом деле обещает, что обучение, упражнение, работа над собой станут не нужны, и при этом не задается вопросом, как человек будет *интегрировать новые знания*, обращать их в опытное знание, в умение и способность действовать. Например, как должен мозг со шведским ртом говорить по-китайски, а мозг с руками боксера — играть на фортепьяно? Это обещание предполагает, что мозг, мгновенно увеличивший свои способности, будет реализовывать эти способности с помощью протезов, заменяющих телесное знание — говорить по-китайски он будет при помощи речевого робота, играть на фортепьяно искусственными руками и т. д. Так «мы» превратимся в киборгов. Вместо труда производства самого себя нам останется покупка протезов, с помощью которых любой сможет бесконечно трансформировать, усиливать и изобретать себя в произвольном направлении. Ему нужно только слиться с механическими продолжениями своего существа.

Впрочем, энтузиасты искусственного интеллекта и идеологи киборгов предостерегли нас: по их словам, нет никакой разницы между субъективностью человека и субъективностью машины. Компьютерный продукт — такой же субъект, как любой другой. «Машина — это не Оно, которое непременно нужно оживлять, обожествлять или покорять. Машина — это часть нас самих, один из аспектов нашей телесности», — говорится в знаменитом тексте Доры Харауэй 1991 г.⁴⁶ Это означает отрицание различия по существу между биологической телесностью и телесностью машины. Через биологическое, природное тело мы являемся

⁴⁶ D. Haraway, "A Cyborg Manifesto: Science, Technology and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century", in *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature*, London: Free Association Books 1991.

данностью для самих себя. Тело — естественная контингенция, порожденная случайностью нашего рождения.

Что же до тела-машины, его производят другие с определенной целью, например, чтобы дать нам захватывающее чувство громадного ускорения и большой скорости, или экономии времени, или сверхчеловеческой силы и ловкости. Да, быстроходные автомобили и умные приборы служат словно продолжением нашего тела. Научившись хорошо с ними управляться, мы как бы сливаемся с ними в одно. Но, в отличие от нашего биологического тела, их произвели другие люди, и они же, *эти другие, задали* те увеличенные возможности, которые мы благодаря этому получаем. Другие дали нам средства сделать то или быть тем, чего мы, по их мнению, желаем или должны желать. *Мы ими запрограммированы*, или, по крайней мере, они нас предусмотрели⁴⁷. В качестве киборгов мы используем машины, продолжающие наше тело, не зная, как они работают и как устроены. Эти машины отличаются от тех навыков и умений, благодаря которым во всяком человеке выработался человек: благодаря машинам мы не производим сами себя, *мы даем им нас произвести*.

Разница между естественным телом и телом, перепрограммированным наукой, очень ясно видна в случае генной инженерии. С точки зрения науки перед ней стоит задача путем расшифровки человеческого генома и его модификации избавить человечество от природных случайностей и риска, заложенных в половом размножении. Человечество получит возможность выбирать и заранее программировать свои признаки. Вместо того чтобы быть плодом случайности, наследственные предрасположенности могут быть заданы, оптимизированы и даже изменены произвольно, по выбору «самих людей». Говорят, будто бы таким образом природа с помощью человека осознает самое себя и создает себе средства избавить свое развитие от игры случая. Разница между искусственным и естественным, между культурой и природой как будто исчезает.

Что «научная» идеология приписывает генам детерминирующую силу, которой они на самом деле не обладают, нам здесь пока не важно. Изменение наследственных предрасположенностей ставит этические, социальные и иные проблемы независимо от того, отвечает ли результат заявленным целям. Для начала, раз модификация генома объявляется выбором «самих людей», нужно заметить, что это ни в коем случае не такой выбор, который человечество может сделать в лице каждого отдельного человека. *Те, кто хочет пересоздать заново человечество или отдельных людей — это не те, кого пересоздают (или хотят пересоздать)*. Те, кого пересоздают, никакого выбора не имеют — их пересоздадут до их рождения в силу чужого выбора и по критериям, о которых сами они не

⁴⁷ Эта плодотворная идея принадлежит Ивану Ильичу. См. *La Convivialité*, Seuil 1973. В этой книге он называет те орудия, которые не программируют свое использование и пользователя, конвивиальными (дружелюбными), а те, которые действуют противоположным образом, гетерономными.

могут судить. Какова бы ни была на самом деле степень эффективности генной инженерии, в ней всегда третьи лица хотят заранее решить, как будет выглядеть еще не рожденный индивид. Предполагаемое генетическое предопределение сыграет свою роль, даже если его причинная эффективность равна нулю.

Ханс Йонас рассмотрел этот аспект в статье о клонировании:

Неважно, имеет ли генотип хоть малейшее значение для формирования личности. Ее судьба *задается* уже теми соображениями, которые мотивировали клонирование. Сами эти соображения становятся действующей силой [...]. С экзистенциальной точки зрения важно, что клонированный человек *думает* — вынужден думать — о себе, а не то, что он «есть» по существу. Одним словом, он изначально лишен свободы, заключенной в неведении⁴⁸.

Конкретно это означает, что родители ждут от генной инженерии определенного влияния на личность ребенка и воспитывают его в соответствии с теми предрасположенностями и призванием, которые они, как им кажется, задали путем генного вмешательства. Тем самым до крайности усиливается то, что Кант называл «диктатом рождения». Вряд ли ребенок, подрастая, сможет при таких условиях ощутить себя творцом собственной жизни. Все события и все свои решения он будет сопоставлять с тем, что считает своей генетической судьбой. Он будет непрерывно спрашивать себя: «Запрограммировано это решение заранее, или я принял его свободно? Владеет мною чужая воля, или я волен выбирать свободно?»

Хабермас пишет:

Когда ребенок, подрастая, узнаёт о замысле, в силу которого другой человек модифицировал его генетические предрасположенности, [...] ощущение собственной сделанности может перекрыть чувство естественного телесного бытия. Тем самым стирание различия между естественным выросшим и сделанным проникает и в собственную экзистенцию. Это может вызвать головокружительное сознание, что из-за генного вмешательства, предшествовавшего нашему рождению, наша собственная природа, которую мы привыкли ощущать в своем распоряжении, возникла из инструментализации некоторого фрагмента внешней природы. [...] В силу генетического программирования возникают [...] во многих отношениях асимметричные отношения — своеобразный патернализм. [...] В рамках евгенистической практики действия подобного рода создают [...] социальные отношения, отменяющие обычную «взаимность» между равными⁴⁹.

⁴⁸ H. Jonas, "Biological Engineering — A Preview", in *Philosophical Essays: From Ancient Creed to Technological Man*, Prentice Hall [N.J.], 1974, цит. по: F. Bowring, *Science...* гл. 9 "Генетическая дискриминация и политика воспроизводства".

⁴⁹ J. Habermas, *Die Zukunft der menschlichen Natur: auf dem Weg zur liberalen Eugenik?*, Fr.a.M.: Suhrkamp 2001. См. также J. Robin, *Changer d'ère*, Seuil 1989.

Ребенок всю жизнь будет ощущать чужую власть, вписанную в его гены.

Если генная инженерия будет подчиняться желаниям родителей, то, кроме того возникнет рынок (якобы) генетических свойств. В результате появятся два рода людей: «генетически оптимизированные», с одной стороны, и «дикие», с другой. Генная инженерия будет действовать как орудие социальной селекции и иерархии. Если же генную инженерию социализировать, она станет орудием нормализации и стандартизации. В каком бы направлении ее ни применять, граждане всегда будут иметь дело с государством, которое их зачало или участвовало в зачатии.

Из этой западни нет выхода. Неустранимые биологические случайности защищают нас от человеческого произвола. Мы — плоды случая, а не чужой воли. Если же наследственность будет задаваться человеком, нас будет биологически предопределять чужая воля. Исходит ли это предопределение из благих или же деспотических побуждений, результат один и тот же: генная инженерия проникает в глубины нашего представления о самих себе. Никто уже не сможет утверждать, что он сам себе господин и сам себя сделал. Генная инженерия подрывает ощущение уникальности, автономности и ответственности, присущее каждому человеку. Тем самым уничтожается именно то, что мешает программировать или селекционировать людей в интересах общества или какого-нибудь класса или касты. Уже одна только *вера* в эффективность генетической модификации способна создать новые формы рабства и послужить обоснованием и легитимизацией новой кастовой системы, даже если эта эффективность — чисто мнимая.

Независимо от того, определяется ли генное вмешательство родителями или обществом, оно в любом случае является отказом от принципа «все люди рождаются равными». Оно означает конец великих мифологических традиций, обосновывающих единство народа или культуры исходным единством происхождения всего человечества. Без общности происхождения, без общего понимания всеми каждого невозможны ни культура, ни цивилизация, не может быть ни предков-основателей, ни традиции, передающейся из поколения в поколение. Без родственных связей, без родословной и без идентифицируемых родителей ребенок никогда не сможет почувствовать, что появился на свет, *потому что его желали*, и будет всю жизнь мучиться сомнениями в своей законности, своем праве на жизнь и своей принадлежности к человечеству. Без родословной, без связи с предками, с предшествующими поколениями и легендарными основателями не может существовать никакое общество. Рождение еще не гарантирует вхождения в человечество. Каждый должен добиваться его сам — собственными усилиями⁵⁰.

⁵⁰ См. гл. 15 и заключение книги: M. Vacquin, *Main basse sur les vivants*, Fayard 1999.

6. Аллотехнологии и гомеотехнологии: «реформа разума»

Самопорождение вида «постчеловек» могло возникнуть как проект и идея лишь в обществах, где слои населения, являющиеся потенциальными гегемонами, не ощущают себя больше принадлежащими к какому бы то ни было обществу. Роберт Рейх заявлял о таком отщепенчестве технологической элиты аналитиков символов (*symbolic analysts*). Петер Слотердайк предпринял аналогичный анализ в антропологической перспективе: «Часть современного вида “человек” под руководством евроамериканской его фракции начала против себя самой процесс, исходом которого может стать новое определение человека». Ниже он поясняет, как ни в коем случае нельзя понимать это новое определение: «Порождения техники [...] не дают больше эффекта освоения и приручения внешнего мира. Напротив, они увеличивают количество внешнего и не поддающегося ассимиляции. Область живой речи сужается, зато расширяется сектор машинного языка». Иными словами, обращаясь с миром как с внешней материей, подчиняемой «чуждым или безразличным [ему] целям», технологическая наука создала с помощью своих «аллотехнологий» «механизированный, превращенный в вещь, изнасилованный мир, который человек уже не может осознавать и переживать как «родину», как «дом». «Самое яркое отличительное свойство современного *modus essendi* — это бездомность человека»⁵¹.

У Эдгара Морэна мы находим очень сходный анализ, хотя и основанный на совершенно другой философии:

Человеческий разум потерял контроль над своими созданиями, а также над наукой и техникой. Социальные и исторические организации не помогли его отвоевать. Да, разум контролирует создаваемые им все более мощные машины, но логика этих искусственных машин, со своей стороны, все больше контролирует разум инженеров, ученых, социологов и политиков, а также всех тех, кто, подчиняясь господству вычислений, оставляет без внимания все, что не поддается числовому измерению, то есть чувства, страдание и счастье человеческого существа. Таким образом эта логика переносится на понимание общества и управление им и распространяется на все области жизни. Искусственный интеллект уже наложил свой отпечаток на разум наших правителей, а наша система образования способствует влиянию этой логики на наш собственный разум.

Таким образом разум получает величайшую силу и в то же время испытывает в этой величайшей силе величайшую слабость. [...] На поле разума сегодня идет битва, и проблема изменения всего нашего мышления, то есть интеллектуального переворота, приобрела жизненную важность⁵².

⁵¹ P. Sloterdijk, “Die Domestikation des Seins” ...

⁵² E. Morin, *L'humanité de l'humanité...*

Как раз в связи с интеллектуальным переворотом статья Слотердайка заслуживает самого пристального внимания. Он говорит, что отношение человека к миру с начала неолита отмечено «аллотехнологиями», т. е. насилием над природой вещей, понимаемых как материя, как «ресурсы», которыми нужно овладеть. Природу «порабощают» и используют для целей, ей глубоко чуждых. В прежнем понятии материала всегда присутствовала идея, что материю «ввиду ее сопротивления и неподатливости»⁵³ необходимо подчинять насильственно. Аллотехнологии в целом принадлежат тому, что Жак Робэн называет «энергетической эрой», эрой, завершающейся моментом, когда человеческому разуму открывается доселе неизвестное измерение материи: информация. И тогда человечество вступает в новую эру, «информационную».

Выводы Петера Слотердайка сходны с анализом Робена. Аллотехнология становится «устаревшей технологией» с того момента, как выясняется, что в природе «есть информация» и «самоорганизующиеся системы» и «что там в материю несомненно вплетен и пребывает в ней “разум”, или рефлексия, или мышление». Этот разум превращается в «связанную с вещью память» или «объективированную рефлексия». «Информированная материя», мыслящие машины, «создающие полное впечатление планирующего интеллекта и способности к диалогу», гены, «минимизированная форма информированной и информирующей информации», гены, которые суть «не что иное, как “приказы” синтезировать биомолекулы» — все это лишает смысла дуализм, строго различающий «душу и тело», «дух и материю».

На этапе принципа «существует информация» традиционный образ техники как гетерономии и порабощения материи и людей все более утрачивает убедительность. [...] Мыслящие технологии ведут к появлению недеспотической формы оперативности, которую мы предложили бы назвать гомеотехникой. Она по самой своей сути не может хотеть ничего иного, кроме того, чем «сами вещи» по своей сути являются или могут стать. [...] Гомеотехника продвигается [...] исключительно по пути ненасилия над тем, с чем сталкивается. [...] Она вынуждена [...] обращаться к со-мыслящим, со-информативным стратегиям. Она имеет характер скорее кооперации, чем господства⁵⁴.

Однако прорыву гомеотехнической культуры препятствует, тормозя его, «привычка насильственного поведения по отношению ко всему существу», то, что сторонники критической теории называли когнитивно-инструментальным мышлением: «альянс самых высоких технологий и вульгарнейшей субъективности». «Привычки и побуждения к насильственному упрощению сложных отношений, сложившиеся за целую эпо-

⁵³ P. Sloterdijk, “Die Domestikation des Seins”...

⁵⁴ Ibidem.

ху, не могут вдруг взять и исчезнуть». «Деспоты и насильники в области гомеотехники» будут прибегать к «аллотехническим привычкам», другими словами, использовать гены как сырье и применять «антропопластическую» инженерию как средство господства. «Можно ожидать, — добавляет Петер Слотердаик, — что эта привычка угаснет в обозримом времени из-за неудач и растущей нетерпимости к ней общества». Однако резонно «задаться вопросом, не обладает ли именно гомеотехническое мышление — которое до сих пор принято было относить к таким рубрикам, как экология и комплексная наука, — потенциалом, способным вызвать к жизни этику отношений, свободных от вражды и господства»⁵⁵.

Перевод Марии Сокольской

⁵⁵ Ibidem.